

которыя онъ едва ли видалъ и которыя очевидно прибавлены для беллетристической живописности. Видѣлъ ли, напр., авторъ сцену, описываемую на стр. 20, или на 140—152 или на стр. 193 и далѣе? Если не видѣлъ, то онъ дѣлаетъ непростительную вещь, выдавая за изслѣдованіе раскола свои беллетристическія упражненія.

Или, примѣръ, для того, чтобы сказать, что сектантскій наставникъ поѣхалъ поучать свою паству, авторъ пишетъ слѣдующее:

„Стоялъ на дворѣ октябрь. Осенній холодный вѣтеръ гналъ низко надъ землею темно-сѣрыя, почти черныя, тучи. Земля была еще совсѣмъ сухая, насквозь промерзлая, словно окоченѣлая, но казалось, что вотъ-вотъ разразится или дождь, или снѣжная мятель. Всегда синія волны прилегающаго къ Александровкѣ залива Гокчи потемнѣли еще болѣе. Волны съ ропотомъ налетали на песчаную отмель (и т. д.).“

„Въ такую погоду Телъгинъ, не торопясь, шагомъ ѣхалъ по узкой дорогѣ, вытянувшейся вдоль по берегу Гокчи“ и т. д. (стр. 193—194).

Неужели авторъ думаетъ, что это есть изслѣдованіе о расколѣ по методу Мельникова?

Хотя мы, собственно говоря, вовсе не считаемъ Мельникова особенно авторитетнымъ писателемъ,—но все-таки замѣтимъ автору, что Мельниковъ не сталъ бы писать такихъ вещей. Мельниковъ писалъ о расколѣ двояко: или—чисто фактическія изложенія того, что онъ зналъ о расколѣ, его исторіи, ученіяхъ и бытѣ; или—повѣсти изъ раскольничьяго быта. И тамъ, и здѣсь читатель впередъ зналъ, съ чѣмъ имѣетъ дѣло—съ фактомъ ли, или съ беллетристической фантазіей автора, хотя бы приуроченной къ фактамъ. Его фантазии имѣли цѣну какъ художественныя (нерѣдко весьма удачныя) опыты, или какъ средство для популярнаго ознакомленія съ расколомъ читателей, неспособныхъ одолѣть серьезную книгу. Но двухъ родовъ своей работы Мельниковъ все-таки не смѣшивалъ; его фактическія изслѣдованія были заслугой для науки, но послѣдней вовсе не служатъ его беллетристическія произведенія... Къ чему предназначалъ свою работу г. Дингельштедтъ? Для беллетристики,—тогда требуется, въ какой бы то ни было мѣрѣ, художественная тѣма, характеры, типы, цѣльно выясненные, чего здѣсь не имѣется; для научной цѣли—тогда совершенно не нужны и даже надоѣдливо мѣшаютъ беллетристическія замашки, описанія природы, сцены, разговоры и т. п.

Трудъ автора выигралъ бы втрое, если бы былъ втрое короче и вмѣсто длинныхъ и повторяющихся описаній сценъ сектантскаго быта, заключался въ простомъ изложеніи фактовъ, между прочимъ, и такихъ, о которыхъ теперь онъ совсѣмъ не подумалъ. Именно: нужно было бы—во-первыхъ, точное, не-беллетристическое, указаніе вре-